

Несмотря на то, что законы гарема запрещали бить невольниц по подошвам, Ситт-Ханум приказала связать Эсму и приготовить к этому наказанию. Как смела она, презренная рабыня, в чьи обязанности входило услаждать султана танцами живота, принять участие в интригах против нее, неоспоримой фаворитки Сералья? Эсма была поймана доверенным евнухом Ситт-Ханум, Аюбом, с письмом к ее давней сопернице, возглавлявшей «материнскую партию» гарема, Айхан-Ханум. Эсма сумела перехитрить этого болвана Аюба, и съела письмо до того, как оно было прочитано. Доставленная пред очи Ситт-Ханум и допрошенная, она нагло отрицала свое причастие к готовящемуся заговору и наотрез отказалась говорить, что было написано в уничтоженном письме. Ситт-Ханум очень была взбешена, виданное ли дело: мало того, что эта девка схвачена с поличным, она еще и нагло врет ей в глаза. Нет, решительно настало время показать раз и навсегда кто истинная хозяйка гарема, иначе они тут совсем от рук отобьются.

— Сейчас ты будешь наказана, Эсма, — сказала Ситт-Ханум. — Тебя будут бить по пяткам, пока ты не расскажешь всю правду и не выдашь нам зачинщиком заговора.

— О, госпожа, — ответила Эсма. — Наш господин запрещает наказывать по подошвам, и ты это знаешь.

— Ах ты сука бесстыжая, — воскликнула Ситт-Ханум, отвесив рабыне пощечину. — Ты будешь меня учить? Ты? Хорошо, что султан сейчас на охоте, а то бы он приказал мне тебя огнем пытаться, не то, что по пяткам бить! Эй! Позвать сюда Махриму!

Повинуясь приказанию госпожи, читчица Корана и подавальщица шербета побежали искать феррашку Махриму, в обязанности которой входило застилать постель госпожи и наказывать провинившихся наложниц.

— Мы зря теряем время, — сказала Ситт-Ханум, — раздевайся.

Эсма стала развязывать пояс, заплакала:

— Госпожа, повелите наказать меня по заду! Прошу вас!

— Ах вот ты как запела! Нет, голубушка, Махрима будет пороть тебя по пяткам, пока у тебя кровь из-под ногтей не пойдет. Или пока не дашь нам показания.

Продолжая всхлипывать, Эсма сняла пояс, спустила шаровары, сняла через голову антеры и шелковую блузку. Несмотря на злость Ситт-Ханум невольно залюбовалась ее телом: нежный сильный живот, покатые плечи, полновесные груди. А бедрам этой презренной могли позавидовать и заоблачные пери. Тем хуже для нее! Никто не может затмить красоту Ситт-Ханум, не одной красавице Стамбула сие не позволено. Между тем, разбуженная служанками, в комнату госпожу вошла феррашка Махрима: дебелая старуха, облаченная в ночную рубаху, с довольно зверским лицом.

— Махрима, эту девушку надо наказать, — приказала Ситт-Ханум.

— Как будем наказывать моя госпожа? — подобострастно спросила феррашка

— Свяжи эту шлюху и бей ее по пяткам!

Махрима подошла к Эсме и сказала:

— Сними туфли, ты что, глухая?

Девушка сняла с ног легкие туфли без задников. Махрима также приказала ей снять все украшения: сережки, ожерелья с ног и рук, бусы, перстни.

— Правильно, Махрима, — одобрила ее Ситт-Ханум. — Надо обыскать ее хорошенько! Ворча, старая феррашка приказала танцовщице лечь на спину, связала ей сначала руки, потом ступни ног, под веревку продела палку.

— Эй, Наиме, Зера! — кликнула Ситт-Ханум девушек-служанок, — вы обе держите палку, а ты Алев держи ее за волосы.

Алев уселась по-турецки у головы Эсмы, намотала себе на руку ее длинные черные волосы. Наиме и Зера встали по бокам, взяли за оба конца длинной палки, приподняли голые ноги танцовщицы вверх. Махрима взяла в руку увесистую деревянную дубинку, которую в Серале использовали для битья по подошвам. Наказание это применялось в исключительных случаях: за воровство, порчу имущества султана и тому подобные проступки.

— Нет, Махрима, погоди, — вмешалась Ситт-Ханум. — Так не годится. Если мы ей сломаем что-нибудь, господин расстроится. Знаешь что? Бей ее розгой.

Старуха взяла в руку гибкую розгу из ротанга, пробуя ее, рассекла воздух, лежащая на полу девушка вздрогнула.

— Чего дергаешься? — спросила старуха. — Я тебя и не била еще!

Ситт-Ханум удобно откинулась на подушки, приказала подать чубук и кофе. Махнула рукой: — Начинайте!

Махрима примерилась и со свистом нанесла первый удар. На подошвах наказуемой образовалась красная полоса, она вытянула носок и громко застонала. Махрима попросила у Наиме и Зеры поднять ноги Эсмы чуть выше, размахнулась и ударила еще раз, на этот раз Эсма громко закричала:

— Нет! Пощадите, я не выдержу.

Ситт-Ханум жестом остановила Махрима:

— Говори, что было в письме!

— Нет, я не могу этого рассказать!

— Махрима!

Допрос продолжался. Старуха-феррашка размахивалась и наносила увесистые удары, Эсма кричала, клялась, что не знает, что было в письме. Примерно на десятом ударе девушка крикнула:

— Хватить бить! Я расскажу!

Избиение остановилось. Ситт-Ханум отложила чубук в сторону:

— Ну, рассказывай!

Девушка всхлипнула, пошевелила пальцами битых ступней.

— Нет, мне нечего вам говорить.

— А ну-ка, Махрима, всыпь этой лгунье еще! — злобно крикнула Ситт-Ханум.

Феррашка продолжала экзекуцию с удвоенной силой. Она наносила удары по пяткам, по подошвам и по пальцам ног Эсмы, делая короткие паузы между ударами. Танцовщица пыталась двигать связанными ногами, насколько ей позволяли путы, но все удары опытной Махримы достигали цели. Девушка уже не кричала, а только стонала негромко и пыталась вытянуть ступни вверх после каждого удара. Алев, держащая допрашиваемую за волосы, сказала:

— Госпожа, она лишилась чувств!

Махрима опустила розгу, вопросительно поглядела на госпожу.

— Чего стоишь как истукан, неси воду, приведите ее в чувство! Вам что, все объяснять надо?

Ума не приложу, как вы тут обходитесь, когда я отлучаюсь!

Девушки опустили палку на землю, Махрима принесла кувшин с водой. Обдала холодной влагой живот Эсмы, потом полила воды на лицо. Танцовщица очнулась, обвела комнату мутным взглядом, попросила у своих мучительниц:

— Ах, не бейте больше! Вы мне пятки отбили. Я теперь не смогу танцевать.

— Если ты сейчас же не расскажешь мне все от начала и до конца, то клянусь, ты затанцуешь у меня на дыбе! — сказала Ситт-Ханум, — и не в моей комнате, а в застенке у палачей султана.

— Госпожа! Я не могу выдать секрет, я поклялась моей госпоже Айхан-Ханум.

— Хватит болтать! Эй, девки! Принесите еще подушек и мокрую простыню, мы сейчас высечем зад этой шпионки!

Махрима подошла к Эсме, приказала ей перевернуться на живот. Под живот ей положили подушку. Наима принесла мокрую простыню и опустила ее на ягодицы Эсмы. Зера и Алев поменялись местами: Зера встала в изголовье Эсмы, Алев держала ее за щиколотки. Наиме взяла опохало и стала помахивать им перед госпожой. Махрима выпила воды, сменила розгу на плеть и застыла в ожидании приказаний.

Ситт-Ханум велела налить ей еще кофе покрепче, происходящее бодрило ее, скрашивало гаремную скуку и помогало ощутить власть.

— Приступай.

Феррашка стала быть Эсму. При каждом ударе та напрягала ягодицы, и они отчетливо проступали под мокрой льняной простыней. В перерывах между ударами она причитала:

— Довольно, во имя всего святого, достаточно! Ах!

— Что ты там бормочешь, тварь? — спросила ее Ситт-Ханум. — Ты лучше свои удары считай!

— Раз! М-м-м-м!

Махриме замахивается, плеть свистит, опускается на тугие ягодицы рабыни. Эсма выгибается дугой:

— Два-а-а! О!

Досчитав до двадцати пяти Эсма простонала:

— Хватит пороть, я вам все равно ничего не скажу! — из глаз у нее брызнули слезы.

— Упрямая дура! — Ситт-Ханум выпустила струйку дыма из чубука. — У Махриме и не такие как ты петь начинают. У нее и мужчина будет скулить как щенок.

— Вы можете меня убить, но я ничего не скажу!

— Хорошая рабыня, — похвалила Ситт-Ханум. — Я думаю вы, — она обвела взглядом своих невольниц, — не вынесли бы и десятой доли того, чего вынесла эта девушка. Но она послана нашими врагами и поэтому будет сурово наказана.

Ситт-Ханум подозвала феррашку и они о чем-то зашептались. Потом старуха вышла из комнаты.

— Пить, дайте воды, — попросила Эсма.

— Нет, воды ей нельзя, — сказала Ситт-Ханум. — Алев, дай ей немного пальмового вина. Алев принесла из шкафчика изящную бутылку, невольница жадно припала к горлышку. Между тем старуха-феррашка вернулась в сопровождении Аюба. Они волокли мешок с чем-то тяжелым.

— Ну наконец-то! — воскликнула Ситт-Ханум. — Слушай меня, о тварь, о шпионка! В этом мешке тяжелые кирпичи. Сейчас тебя распнут на полу, и будут класть их тебе на живот. Каждый отказ признаться будет добавлять новую тяжесть. Так что лучше сразу признайся,

так ты избежишь мучений.

Эсма только отрицательно качнула головой. Через несколько минут она лежала распятая. Махрима и Аюб установили на ее животе квадратный поддон из дерева. Поверх него положили первый кирпич

— Признайся! — потребовала Ситт-Ханум.

— Нет! — ответила храбрая девушка.

Еще один кирпич положен на поддон. Эсме стало тяжело дышать. На висках выступил пот. Но она не могла выдать тайны!

— Кладите еще! — приказал Ситт-Ханум.

— О-о-о-! — протяжно застонала девушка.

Чтобы уменьшить боль она напрягала мышцы живота, крутила головой, от чего ее волосы разметались. Пот заструился по шее, выступил крупными каплями на груди.

— Я клянусь, ты заговоришь, — сказала феррашка.

Она и Аюб уже изготовились, чтобы положить на живот несчастной очередной кирпич, как вдруг за дверьми раздался неясный шум, потом кто-то громко спросил:

— Да что тут происходит!

Затем дверь распахнулась и комнате оказались главный черный евнух гарема, растерянно перебирающий четки и... султан.

Султан (мужчина лет сорока-пяти с ястребиным профилем) гневно обвел глазами комнату Ситт-Ханум: на полу была распята прекрасная бледная невольница, на животе которой были установлены три увесистых кирпича. Аюб и Махрима быстро прятали четвертый кирпич, Ситт-Ханум застыла с чашечкой кофе у рта.

— Та-а-а-к! Так-так-так, — гневно произнес султан. — Стоит мне отлучиться по делам государственной важности как ты берешься за старое? Опять месть, интриги! Как же ты надоела мне! Немедленно освободите эту несчастную!

Аюб и Махрима стали снимать камни и тут султан обратил внимание на пятки Эсмы.

— Били по подошвам? Ослушались моего приказа! — Султан достал из-за пояса кинжал и метнул его в Аюба.

Кинжал попал точно в горло евнуха, тот сделал шаг назад и упал навзничь. Невольницы завизжали. Наконец Эсму освободили, прикрыли ее простыней. Однако султан успел окинуть ее беглым взглядом.

Султан подошел к ней, спросил уже другим, ласковым голосом:

— Как тебя зовут?

— Эсма?

— За что тебя мучили, Эсма? Говори правду, не бойся

— Я несла письмо своей госпожи, евнух меня поймал. Как и велела госпожа, письмо я съела..

— Я все понял. — Султан обернулся к Ситт-Ханум. — Тебя я видеть не хочу, убирайся с глаз моих долой! Хаким, слушай меня, — обратился он к главному черному евнуху. — Эту падаль убрать, — он показал носком туфли на поверженного Аюба. — Всех кто пытал эту девушку, примерно наказать, чтоб другим было неповадно. К девушке вызови лекаря, ты понял?

— Да, мой господин!

— И вот еще что...

— Слушаю мой господин.

— Когда ее раны будут излечены, я хочу видеть ее в своей спальне.